

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Н. Радищев

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА
В МОСКВУ**

Александр Николаевич Радищев
Путешествие из
Петербурга в Москву
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7440516

Путешествие из Петербурга в Москву/ Вступ. ст. В. Ю. Троицкого;

Рис. И. Астапова.: Детская литература; Москва; 2002

ISBN 978-5-08-004059-9

Аннотация

Книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» – это удивительная педагогическая поэма XVIII века, посвященная воспитанию человеческого достоинства.

Содержание

Книга человеческого достоинства	6
Путешествие из петербурга в москву	25
Выезд	28
София	31
Тосна	35
Любани	39
Чудово	47
Спасская Полесь	59
Подберезье	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

**Александр
Николаевич Радищев
Путешествие из
Петербурга в Москву**

Аннa Андреевна Яковлева
1749-1802

1749-1802

Книга человеческого достоинства

Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?

А. Пушкин

1

Два столетия прошло со дня смерти Александра Николаевича Радищева (1749–1802), но его значение все еще недооценено нами. Золотые россыпи его благородных, возвышающих душу мыслей, лучезарная чистота его вещей чувств, его сердца, дышавшего добром, во многом остаются неосознанными. Не только потому, что мы «ленивы и нелюбопытны» (А.С. Пушкин). Искренняя, глубокая по содержанию, но уже устаревшая для нас по форме радищевская речь кажется иным затрудненной и искусственной. Из-за этой якобы искусственности (а на самом деле – более всего из-за нашего невежества в восприятии языка недавних наших предков) мы перестаем с должным вниманием вникать в глубину выстраданных писателем мыслей и затрудняемся осознавать величие его души. Какая слепота! Какая неблагодарность! Его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» – эта удивительная педагогическая поэма XVIII века – зача-

стую толкуется только лишь как революционный манифест и воззвание к бунту...

Но внимательный читатель, видящий в Радищеве мыслителя и художника, не может упустить из виду широту и разнообразие затронутых им тем и вопросов, наконец – художественные особенности произведения, обнаруживающего в самом построении своем широкий авторский замысел.

Между тем для нескольких поколений XX века Радищев – прежде всего «первый русский революционер», дворянский демократ, восславивший свободу и грозивший насильникам земным возмездием. Да, воистину незабываемы негодующие слова «Путешествия...», обличающие крепостное право: «Страшись, помещик жестокосердый. На челе каждого из твоих крестьян вижу я твое «осуждение!...» («Любани»).

«Звери алчные! Пиявицы ненасытные! Что крестьянину вы оставляете? То, чего отнять не можете, воздух. Да, один воздух. Отъемлете нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отнять у него жизнь – но разве мгновенно. Сколько способов отнять у него – постепенно!» («Пешки»).

Мы помним провидческие строки радищевской оды «Вольность» (1781–1783):

...Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;

В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит;
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, сплоченны народы, —
Се право мщное природы
На плаху возвело царя.

Наконец вспоминаются первоначальные слова варианта пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг...»: «...Вослед Радищеву восславил я свободу...»

Вольнолюбивая смелость Радищева бесспорна и заслуживает внимания, памяти и благодарного отношения потомков. Однако этим не исчерпывается духовный облик писателя, смысл его творчества и значение его вдохновенной книги.

В основе его революционности и просветительства лежало особое, сердечное отношение к миру, глубоко личное переживание страданий его соотечественников, дерзкое желание устыдить власть имущих, призыв их к исполнению человеческого долга любви. В его книге был спрессован огромный запас жизненных наблюдений, размышлений, проникнутых горячим сочувствием автора...

Вглядываемся в черты лица Радищева, как оно изображено на широко распространенном портрете неизвестного художника XVIII века, хранящемся в Саратовском музее. Открытое, высокое чело (именно *чело*, а не лоб!), прямой

взгляд прямо и мужественно глядящих на нас очей (именно очей, а не глаз) и полная чувства достоинства осанка Человека, сознающего себя личностью, существом, имеющим образ и подобие Божие, и достойно носящего звание сына Отечества.

Хочется почти кричать, наблюдая равнодушно озирающие этот портрет лица иных современников: да как же вы не видите, что перед вами чудо: человек, воистину с достоинством носящий свое звание!

Не потому ли таким обаянием искренности веет со страниц радищевского «Путешествия...», что его книга не только энциклопедия путевых наблюдений, в которых, как в капле воды, отразилась современная ему Россия, но и дерзкое откровение образованного ума и прозрения горячего сердца, исполненного любви к человечеству.

Что думал Радищев о Человеке? Как понимал его назначение?

«Известно, что человек – существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому...»¹

Люди, подобные Радищеву, не бросали слов на ветер; за

---

¹ Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества (1789) // Поли. собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1938. Т.1. С. 215.

то, что писали, они в любую минуту готовы были отвечать – хотя бы перед самим Господом Богом. Так что же именно следует из сказанного? Перечитаем еще раз. Вдумаемся. По-размышляем...

Человек свободен. Он свободен потому, что одарен умом, разумом и свободною волей. Он по-человечески свободен, ибо человеческая свобода состоит в избрании лучшего. Что есть лучшее, он познаёт и избирает посредством разума. И это познание, и этот выбор заключаются в том, что человек (если он остается человеком!) стремится во всем «к прекрасному, величественному, высокому...». Значит – к духовному. Потому что здесь и речи не может быть о корысти и эгоистической выгоде.

Чтобы убедиться, что сказанное мы поняли верно, посмотрим, что говорится далее.

«...Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына отечества? Он не человек, но что? Он ниже скота; ибо скот следует своим законам, и не примечено еще в нем удаление от оных»².

Итак, если ты считаешь себя Человеком, то по природе человеческой каждый сознательный поступок твой должен быть воплощением прекрасного, величественного, высокого, того, что не по принуждению, а по своей духовной природе должен претворять в жизнь всякий человек. Если же кто-

---

² Радищев А. Н. Указ. соч.

то неспособен на такое бытие – «он ниже скота»; он недостойн называться человеком... Вот требование уважающей себя личности!

Откуда же черпал Радищев столь высокое духовное отношение к миру и человеку? Почему всю жизнь отличался, говоря словами Пушкина, «удивительным самопожертвованием и какою-то рыцарскою совестью»? Не последнюю роль играло здесь воспринятое с детства религиозное миропонимание, что было отражено писателем и в автобиографической «Повести о Филарете». Ее герой, в котором без труда можно признать автора, замечает: «Силу, вся содержащую, вся зиждущую (творящую), всему предел положившую, вся оживляющую, в коей теряется и самое разрушение, я чувствовал от млечных когтей»³.

В основе почти каждой из его философских статей – мысли о достоинстве человека, и потому высокие к нему требования. Ибо одаренный свыше человек «паче всех есть существо соучаствующее», он «укрепляет свою чувственность, острит силы мысленные, укрепляет понятие, рассудок, ум, воображение и память. Он приобретает несчисленное количество понятий, и из сравнений его рождаются понятия о красоте, порядке, соразмерности, совершенстве»⁴.

Человеком в высоком смысле слова, убежден Радищев,

---

³ Радищев А. Н. Поли. собр. соч.: В 2 т. Спб., 1907. Т. 2. С. 285–286.

⁴ Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Поли. собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1952. Т. 2. С. 54, 133.

нельзя стать без того, «чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви Отечества, к желанию подражать великим в том примерам, також к любви наукам и художествам, сколько позволяет отправляемое в общежитии звание; применился бы к упражнению в истории и философии или любомудрии, не школьном, для словопрения единственно обращенном, но в истинном, научающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса возлюбил бы рассматривание живописи великих художников, музыки, изявiania, архитектуры или зодчества»⁵. Воистину исчерпывающая программа воспитания гармонической личности!

Радищев верил в Бога и бессмертие души и, по словам его сына Павла Александровича, бывало, «долго и усердно молился со слезами». Религиозное начало придавало особый характер его отношению к просветителям XVIII века, к «властителям дум» европейского мира Вольтеру и Руссо. Он воспринимал этих мыслителей не как нигилистов и безбожников, но прежде всего как проповедников человеколюбия, равенства и доброделания. По словам того же П. А. Радищева, «он уважал Спинозу и Гельвеция как людей благодетельных и благонамеренных, глубоко мыслящих, но сам никогда не был атеистом. Сомнение не есть еще атеизм»⁶. Так сливалось

---

⁵ Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества // Указ. соч. С. 222–223.

⁶ Радищев А. Н. // Указ. соч. С. 428.

в его сознании вольномыслие и богопочитание, вера в высокое предназначение человека и непримиримое желание всегда и везде по-рыцарски отстаивать и защищать это высокое предназначение.

2

Знаменитая книга Радищева посвящена воспитанию человеческого достоинства. Об этом свидетельствует и ее композиция.

Так, в посвящении писатель обращается к размышлениям о человеке. Первые фразы «Путешествия...» – ключ ко всему радищевскому произведению; в них словно выражен пафос всей русской литературы XIX века, искавшей пути к достойному человеческому бытию: «Я взглянул окрест меня, и душа моя страданиями человечества уязвлена стала...»

Итак, человек, «страдания человечества» и одновременно – вера и убежденность в высоком достоинстве и Божественном начале Человека, наконец, рассуждение о том, в чем мирские причины жалкой униженности и бедствий человека: «...Обратил взоры мои на внутренность мою и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы». «Взирать прямо» – значит видеть и не искажать виденного домыслами, следовать действительности, отраженной «зеркалом души» (Н.М. Карамзин) и освещенной разу-

мом, наконец, образовывать себя в этом видении...

В центре «Путешествия...», «на перекрестке» путевых впечатлений и размышлений автора, расположена глава с символическим названием «Крестыцы», в которой все вопросы, поднятые автором, скрещиваются на главном: на вопросе о *воспитании человека*. Здесь в речи крестецкого дворянина – чадолюбивого отца, истинного гражданина своего Отечества – по существу, развернут трактат о воспитании истинного человека, изложена история возмужания двух достойных сыновей, выросших под его «неусыпным оком», с сознанием высокой отеческой и гражданской ответственности.

Первый закон истинного воспитания – любовь к воспитуемым и уважение к их духовной свободе: «... Не чувствовали вы принуждения, хотя в деяниях ваших водимы были рукою моею...»

Но не менее важно в воспитании – развитие с детства здорового организма: «Я лучше желал, чтобы тело ваше оскорбилось на минуту преходящею болью, нежели чтобы вы были дебели в совершенном возрасте. И для того часто ходили вы босы с непокровенной головой в пыли и грязи и отдыхали на скамье или на камне. Не меньше старался я удалить вас от убийственной пищи и питания. Труд был лучшею приправою в обеде нашем».

Безусловное значение для земного достойного существования имеет трудовое житие, жизнь в труде, которая обес-

печивает право на человеческое достоинство и одновременно формирует телесные силы. «...Вспомните, – говорит отец сыновьям своим, – что вы бегаєте быстро, плаваете не утомляясь, поднимаете тяжести без натуги, умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом и стрелять». Вместе с тем воспитание человека, как становится ясно, состоит в воспитании отзывчивости миру искусства – живописи и особенно музыке, которая, «приводя душу в движение, делает в нас мягкосердечие привычкою».

Но как бы ни был добр и отзывчив человек в этом мире, он должен уметь владеть оружием. «Но сие искусство, – замечает наставник, обращаясь к своим сыновьям, – да пребудет в вас мёртво, доколе собственная сохранность того не востребует. Уповаю, что оно не сделает вас наглыми...»

Наконец, необходимым качеством воспитанного человека, идущим от внутреннего сознания и чувства, является приобщение к Высшему, к Богу. Именно так: приобщение от природного, внутреннего устремления, ибо, утверждает наставник, «всещедрому Отцу приятнее зрети две непорочные души», которые «сами возносятся к начальному огню на возгорание».

Не оставлена здесь и наука, обладание которой начинается с познания собственного, родного языка: «...да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице

не производило». Затем следуют иностранные языки и прочие знания. Так складывается радищевское представление о должном в образовании человеческой личности.

Не меньшее значение отводится и воспитанию характера, то есть умению владеть собою, умерять «гнев мгновенный», подвергать рассудку «гнев продолжительный» и подверженность «превратным потрясениям чувств», постоянно быть умеренным в желаниях, кормясь «делами рук своих», и вместе с тем быть опрятным, чистым в бытии. Но прежде всего – хранить чистоту души, скромность и, никогда не гнушаясь, прийти на помощь нуждающемуся: «Ходите в хижины унижения; утешайте томящегося нищетою... и сердце ваше усладится, подав отраду скорбящему...» Этим далеко не исчерпываются отраженные в «Путешествии...» представления о достойном человеческом житии, понимаемые как законы истинной человечности.

В изложенных далее правилах общежития, основанных на тех же христианских, свободолюбивых принципах, Радищев вновь обнаруживает благородную высоту своих убеждений. Здесь что ни мысль, то гимн достоинству человека, возвышающемуся от исполнения «обычаев и прав народных», закона и добродетели, которая «есть вершина деяний человеческих». Здесь та же страстная убежденность. «Но если бы... какая-либо власть на земле подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной непоколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ни-

же самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, как камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердость твою; и естли предадут тебя смерти, будут осмеяны; а ты будешь жить в душах благородных до скончания века». Вот сокровенные мысли радищевской книги!

Развивая их, автор дерзко и открыто бросает вызов обществу, в котором закон противен общественным нравам и затрудняет исполнение добродетелей, где «исполнение должностей человека и гражданина» находится «в совершенной противоположности». Тут проступает еще одна важнейшая идея: «Как добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не должно быть препинаемо. Не бреги обычаев и нравов; не бреги законов гражданского и священного, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай никогда нарушить ее и прикрывать робостью благоразумия». Добродетель – основа жизни человеческой: «В заблуждении вашем, в забвении самих себя возлюбите добро».

Решительно и заключение наставления, подтверждающее изначальное понятие о невозможности для человека недостойного существования: «...Естли добродетели твоей не останется на земле убежища, естли, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, – тогда вспомни, что ты человек, вспомни свое человечество, восхити венец блаженства, который отнять у тебя тщатся, – умри».

Между тем последние слова отца-наставника обращены к Господу, к его милосердной помощи, ибо, попросившись с сыновьями и дождавшись, когда «пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров», «старец стал на колени и возвел руки и взоры на небо.

– Господи, – возопил он, – молю Тебя, да укрепишь их в стезях⁷ добродетели, молю, блажени да будут. Веси⁸, николи не утруждал Тебя, Отец Всещедрый, бесполезною молитвою... Отлучил я ныне от себя сынов моих... Господи, да будет на них воля Твоя».

Так нелицеприятно выражает писатель и свое мнение о воспитании, должный успех которого может быть достигнут лишь с Божьей помощью.

Наконец вспомним: «Путешествие...» завершает «Слово о Ломоносове», о достойнейшем человеке, рожденном «с нежными чувствами, одаренного сильным воображением, побуждаемым любочестием, исторгнутого из среды народной». Заметим: Радищев не смог в силу разных причин во всем по достоинству оценить научные достижения М. В. Ломоносова⁹, но он верно понял, осознал и передал величие

---

⁷ В стезях – в путях (*церк. – слав.*).

⁸ Веси – ты знаешь (*церк. – слав.*).

⁹ Это сделал столетие с лишком спустя В. И. Вернадский, представивший во всем блеске научный гений великого русского ученого в статьях: «О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии», «Несколько слов о работах М. В. Ломоносова по минералогии и геологии», «Памяти М. В. Ломоносова» и др.

его человеческого подвига, ибо «вся красота вселенной существовала в его мысли». Итак, книга Радищева композиционно завершилась гимном совершенному человеку, гимном русскому самородку, во всей полноте утвердившему свое человеческое достоинство...

Так в самой композиции книги раскрывается ее основополагающий пафос, идея воспитания человека и человечества, оставившая неизгладимый след в русской литературе последующего времени...

3

Автор «Путешествия...», известный нам прежде всего как проповедник революционных идей, при внимательном взгляде предстает перед нами как философ, мысли которого «обращены... в неизмеримость мира» («Любани»), как историк, сопоставляющий разные эпохи жизни России и рассуждающий о праве народном и соблюдении законов («Новгород», «Зайцово» и др.), то в роли педагога и духовного наставника или убежденного политика, дающего примеры истинного воспитания молодежи, гражданского служения народу («Крестыцы»), наконец, в образе верующего христианина, призванного «представить вам зеркало истины», постоянно обращающего свои взоры к Богу и глубоко убежденного в Его великой любви («Чудово», «Бронницы», «Хопилов», «Торжок»).

Все измеряется и соизмеряется им с образом Человека, достойного своего великого назначения в мире, устремляющего силы «на пользу всех и каждого» («Выдропуск»). Вот почему столь пристально внимание путешественника к человеческим добродетелям, к мысли о достойных людях, воспринявших с детства основы доброго жития.

И всюду в книге Радищева за живым описанием следует пристальное наблюдение (повествование), затем – размышление и сочувствование. В каждой главе сначала непосредственно воссоздаются живые картины наблюдаемой действительности, затем идет сравнение, анализ изображенного – и новый эпизод, осмысление виденного и эмоциональный на все отклик.

Вспомним, например, главу «Пешки». Вначале здесь описание одного из эпизодов путешествия («...голод не свой брат, принудил зайти меня в избу...»), далее следует сопоставление в связи с тем, кто, чем и когда удовлетворяет голод, далее – новый эпизод: разговор с крестьянкой по поводу употребления сахара в условиях деревенской бедности, а вслед за тем – замечание-суждение крестьянки («...не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?») и, наконец, передается эмоционально-оценочное суждение автора-рассказчика («Сия укоризна... исполнила сердце мое грустью»).

Затем – снова наблюдение, насыщенное массой «сообщающих» деталей, которые обращены к житейской прозе: «Я

обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы. В первый раз обратил сердце к тому, что доселе по нем скользило. Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро, зимой и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь едва пропускал свет; два или три горшка (щастлива изба, коли есть в ней всякой день пустые щи), деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам; корыто кормить свиней или телят, буде есть; спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется; к щастию кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина; посконная рубаха, обувь, данная природою; онучки с лаптями для выхода»¹⁰.

Затем вновь – осмысление виденного: «Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их, так сказать, шероховатая сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство и беззащитное нищеты состояние»¹¹.

И наконец следует этап «практический», этап познания-действия, выражение эмоционального призыва, возбуж-

---

¹⁰ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1984. С. 311.

¹¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 311–312.

дение активного отрицания виденного: «Звери алчные! пиявицы ненасытные! что крестьянину вы оставляете?» – и т. д.

Радищев мыслил широко и откровенно; он видел существенную причину зла не только в дурных людях, но и в тех неблагоприятных обстоятельствах, в том строе человеческих отношений, который повсеместно закрывает пути добродетели. Поэтому и пришел к мысли о неизбежности революционного насилия над тиранами, которые суть узурпаторы человеческой свободы, человеческого достоинства и самого достойного человека существования. Вот корни его революционных идей, ярко отразившихся в оде «Вольность».

Вся жизнь крепостнической России, с глубокими изъянами крепостничества, унижающими достоинство личности, – вся эта жизнь предстает перед судом достойного Божественного предначертания.

В своем творчестве Радищев не только сумел прямо взглянуть на действительность и горячо откликнуться на человеческие страдания, но и проявил спасительную рассудительность в отношении к вечным вопросам бытия, не забыв о духовных началах Человека во имя утверждения его материальной обеспеченности. Что помогло ему? Благочестивое воспитание? Истинный энциклопедизм? Вера в великость человека? Убежденность в том, что не может быть счастья там, где дойдут «до края возможного», «несообразности разума человеческого», «необузданности и беспечалия»?

Так или иначе «Путешествие из Петербурга в Моск-

ву» (если не будем пристрастны и не станем с предубеждением заведомо считать его *только* революционным манифестом) – это прежде всего книга, написанная кровью сердца «сочувствователя», высоко ставящего Человека и верящего в его Божественное предназначение, а затем уже – книга негодования и протеста, возникшего потому, что «самодержавство (т. е. насилие над человеком. – В. Т.) есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Между тем в «Путешествии...» отражены все основные сословия современной писателю России. Здесь и крестьяне («Хотиллов», «Клин», «Городня», «Едрово»), и помещики («Медное», «Городня», «Вышний Волочок»), нередко злоупотребляющие своей властью («Зайцово», «Городня», «Медное», «Едрово», «Пешки»), чиновники и офицеры («Чудово», «София», «Тосна», «Зайцово») и купцы («Новгород», «Вышний Волочок»).

В книге Радищева возникают эпизодические, но весьма значащие образы. Один из них – «гражданин будущих времен», тот, чьи оброненные записки, поднятые путешественником, содержат проекты об отмене крепостного права и придворных чинов («Медное»). Другие: «чувствительный друг» и «проситель свободного книгопечатания» («Вышний Волочок», «Торжок», «Медное»), в уста которых Радищев вкладывает мысли о *значении слова* в преобразовании общества...

Писатель верил в будущее России и ее народа. «Твердость

в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!» – восклицал он в одной из своих статей¹².

И все же, кто он – революционер, философ, просветитель, энциклопедист или трибун-проповедник? Он – и то, и другое, и третье... Он – все... Еще, целые книги будут написаны о нем. Мы же напомним, что едва ли не важнейшее, чем заслужил он благодарность потомков, есть истинное служение причине «всякого бытия», Слову, которое, следуя его выражениям, есть «начальный способствователь совершенствования рода человеческого»¹³.

В. Троицкий

---

¹² Радищев А. Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Поли. собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 146–147.

¹³ Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Указ. соч. С. 131.

Путешествие из петербурга в москву

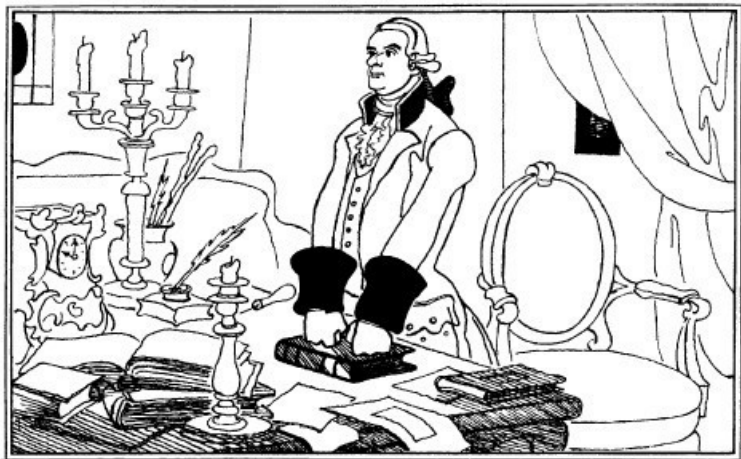
*Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй¹⁴.
Тилемахида, том II, кн. XVIII, стих 514*

А. М. К.¹⁵

---

¹⁴ Обло – тучно; озорно – нагло, пакостливо; лайй – лающее. Эпиграф – слегка измененный стих поэмы В. К. Третьяковского «Тилемахида» (1766). Приводя слова, которыми поэт описывал одного из царей, злоупотреблявших властью, Радищев бросает вызов деспотичному русскому самодержавию.

¹⁵ А. М. К. – инициалы Алексея Михайловича Кутузова, товарища Радищева по Лейпцигскому университету, писателя, масона. Посвящение Кутузову – не только дань дружбе, но и акт полемики.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство

николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало.

Выезд

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно; хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаяся; любовь или дружба стрегут его утешение. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надейся на утешителя; блажен живущий иногда в бу-

душем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения.

Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея¹⁶. Горесть разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелени; не было тут источника на прохлаждение, не было древесных сени на умерение зноя. Един оставлен среди природы пустынный! Вострепетал.

– Несчастный, – возопил я, – где ты? где девалось все, что тебя прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? – По счастью моему, случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья.

– Что такое? – спрашивал я у повозчика моего.

– Почтовый двор.

– Да где мы?

– В Софии, – и между тем выпрягал лошадей.

---

¹⁶ Морфей – сон (по имени бога сновидений в греческой мифологии).

26

София

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не заметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости:

– Барин-батюшка, на водку! – Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу. Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил на почте, тот знает, что подорожная¹⁷ есть сберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральский, может быть, исключая, будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею,

¹⁷ Подорбжная – документ на получение почтовых лошадей.

как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо.

– Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или усни. – Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки¹⁸ захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо.

– Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, – и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился.

«Если лошади все в разгоне, – размышлял я, – то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне...» Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо покрепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал:

– Кто приехал? Не... – но, опомнившись, увидя меня, сказал мне: – видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. – Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда

---

¹⁸ Па́ки – опять, снова.

они в обмане приличались¹⁹; но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запрячь мне поскорее лошадей, и в самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл добрый гражданин. Итак, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обогранный кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской.

Извозчик мой поет. Третий был час пополуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. О природа, объяв человека в пелены скорби при

---

¹⁹ Приличались – уличались.

рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. Уснул, и все скончалось. Несносно пробуждение несчастному. О, сколь смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби? – Отче Всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно? Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас Отчий, зывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, Тебе ее и возвращаю; на земли она стала уже бесполезна.

Тосна

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую... Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающего, который, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и про-

сил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой – кто он был? – узнал я, что то был старого покрою стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедля вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа.

– Милостивый государь! Я, нижайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве²⁰, имел случай употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю не редкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение.

– Милостивый государь! – продолжал он, указывая на свои бумаги, – все великороссийское дворянство должно было бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но с дозволения вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю, как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженныя памяти благоверный царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество²¹. Сие строгое законоположение поставило многие чест-

---

²⁰ Разрядный архив – хранилище родословных документов боярства и дворянства.

²¹ С уничтожением местничества при царе Федоре Алексеевиче (1661–1682) началось назначение на государственные должности в зависимости от личных заслуг и достоинств, а не от древности и заслуг фамилии, рода.

ные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством²². Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах²³. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших вострежило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех²⁴. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет указ и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титуло маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо бла-

---

²² Новгородское дворянство вело свою родословную с момента разгрома Новгорода Иваном Грозным (1570) и было бедно.

²³ Табель о рангах – система чинов, утвержденная Петром I (1722). Согласно ей, дворянское звание давалось за выслугу.

²⁴ Часть родовитых дворян не была удовлетворена екатерининской «Жалованной грамотой дворянству» (1785), которая в целом расширяла привилегии помещиков.

гоприятства попал в посмеяние и, с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения.

Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька... и, дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разносчикам для обертки; ибо мнимое маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла – хвастовства древния породы.

A handwritten flourish or signature in black ink, consisting of several elegant, sweeping curves and loops.

Любани

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. – Летом. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделялся душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ни-

ву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.

– Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. – Бог в помощь, – повторил я.

– Спасибо, барин, – говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

– Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

– Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А Бог милостив, с году умирать не велит, когда есть силы и семья.

– Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?

– В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай Бог, – крестясь, – чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у Господа молят.

– У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

– Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годок.

– Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

– Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

– Так ли ты работаешь на господина своего?

– Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных²⁵ не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голый наемник²⁶ дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а

---

²⁵ Поду́шные – подушный государственный налог, которым облагалось мужское население, кроме дворян, духовенства и чиновников.

²⁶ Наемник – помещик-арендатор, приобретающий за плату во временное владение имение с крепостными крестьянами.

на наемника кому?²⁷

---

²⁷ По указу Екатерины II (1769) крестьяне не имели даже права жаловаться на помещиков под угрозой ссылки на каторгу.

– Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.

– Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. – Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный²⁸, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение.

Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз²⁹, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распростираться по лицу. Мне так

---

²⁸ Радищев, как и другие философы XVIII века, считал, что государство возникло путем добровольного соглашения людей.

²⁹ М р а з – мороз, холод.

стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал.

– Ты во гневе твоём, – говорил я сам себе, – устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному – сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетьюми, ни батожем (о умеренный человек!) – и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом как с кубарем³⁰, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. Вспомни тот день, когда Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу!

– А кто тебе дал власть над ним?

– Закон.

– Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный!.. – Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

---

³⁰ Кубарь – подобие волчка, юлы.

Чудово

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика, и чрез несколько минут вошел в избу приятель мой Ч...³¹. Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел оттуда выехать так скоро. Особливое происшествие побудило человека нраву крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал.

– Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколь-

---

³¹ Ч. – Петр Иванович Челищев (1745–1811), товарищ Радищева по Лейпцигскому университету.

ко в шуму и чаду веселиться можно. Но желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился съездить в Кронштадт и на Систербек³², где, сказывали мне, в последнее время сделаны великие перемены. В Кронштадте прожил я два дни с великим удовольствием, насыщался зрением множества иностранных кораблей, каменной одежды крепости Кронштадтской и строений, стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть нового Кронштадту плана и с удовольствием предусматривал красоту намереваемого строения; словом, второй день пребывания моего кончился весело и приятно. Ночь была тихая, светлая, и воздух благорастворенный вливал в чувства особую нежность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамерился в пользу употребить благодать природы и насладиться еще один хотя раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, которого на гладком водяном горизонте мне еще видеть не удавалось. Я нанял морскую двенадцативесельную шлюпку и отправился на С...

Версты с четыреплыли мы благополучно. Шум весел единозвучностию своею возбудил во мне дремоту, и томное зрение едва ли воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел. Стихотворческое воображение преселяло уже меня в прелестные луга Пафоса и Амафонта³³. Внезапу острый свист возникающего вдали ветра раз-

---

³² Систербек – Сестрорецк.

³³ Па́фос и Амафонт (Амат) – древние города на Кипре, где находились храмы

гнал мой сон, и отягченным взорам моим представлялися сгущенные облака, коих черная тяжесть, казалось, стремилась их нам на главу и падением устрашала. Зерцаловидная поверхность вод начинала рябеть, и тишина уступала место начинающемуся плесканию валов. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественные черты природы и не в чванство скажу: что других устрашать начинало, то меня веселило. Восклицал изредка, как Вернет³⁴: ах как хорошо! Но ветер, усиливался постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты непрозрачных облаков совсем померкло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимал у гребущих силу шественного движения. Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние. Природа завистливою нам на сей час казалась, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужасного своего величества, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы, елико нам возможно было, ободряли друг друга.

Афродиты (Киприды), богини красоты.

³⁴ Вернёт (Верне) Клод Жозеф (1714–1789) – известный французский пейзажист-маринист.

Носимое валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Все наши силы, совокупно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояла. Упражняясь в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы не заметили, что ветер между тем почти совсем утих. Небо помалу очистилося от затмевавших синеву его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтоб принести нам отраду, явила нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюпка наша не на мели находилась, но погрязла между двух больших камней и что не было никаких сил для ее избавления оттуда невредимо.

Вообрази, мой друг, наше положение; все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если б я мог достаточные дать черты каждому души моего движения, то слабы еще были бы они для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда. Судно наше стояло на середине гряды каменной, замыкающей залив, до С... простирающийся. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением. В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отверзается вечность, ниспадают тогда все степени, мнением между человекoв воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек: так, видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состо-

нения³⁵, и помышляли о спасении нашем, отливая воду, как кому сподручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновение паки накоплялося. К крайнему сердце наших сокрушению ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна. Да и то, которое бы подало нам отраду, явясь взорам нашим, усугубило бы отчаяние наше, удаляясь от нас и избегая равных с нами участи.

Наконец судна нашего правитель, более нежели все другие к опасностям морских происшествий обыкший, взиравший поневоле, может быть, на смерть хладнокровно в разных морских сражениях в прошедшую Турецкую войну в Архипелаге, решил или нас спасти, спасаясь сам, или погибнуть в сем благом намерении: ибо, стоя на одном месте, погибнуть бы нам должно было. Он, вышед из судна и перебирался с камня на камень, направил шествие свое к берегу, сопровождаем чистосердечнейшими нашими молитвами. Сначала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень, переходя воду, где она была мелка, переплывая ее, где она глубже становилась. Мы с глаз его не спускали. Наконец увидели, что силы его начали ослабевать, ибо он переходил камни медлительнее, останавливался по часту и садясь на камень для отдохновения. Казалось нам, что он находился иногда в размышлении и нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его това-

---

³⁵ Состояния – сословия.

рищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающа в достижении берега, или достигнуть оного, если первому в том будет неудача. Взоры наши стремилися вослед то за тем, то за другим, и молитва наша о их сохранении была нелицемерна. Наконец последний из сих подражателей Моисея³⁶ в прохождении, без чуда, морския пучины своими стопами остановился на камне недвижим, а первого совсем мы потеряли из виду.

Сокровенные доселе внутренние каждого движения, заклепанные, так сказать, ужасом, начали являться при исчезании надежды. Вода между тем в судне умножалася, и труд наш, возрастая в отливании оной, утомлял силы наши приметно. Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда. Человек робкия души и чувствовавший долго, может быть, тягость удручительныя неволи, рыдал, орошая слезами своими скамью, на которой ниц распростерт лежал. Иной, воспоминавая дом свой, детей и жену, сидел яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питалися его трудами.

Каково было моею души положение, мой друг, сам отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебе то, что я прилежно молился Богу. Наконец начали мы все предаваться отчаянию, ибо судно наше более половины водою натекло и мы стояли все в воде по колена. Нередко помыш-

---

³⁶ Моисей – в библейской мифологии пророк, который вывел евреев из Египта по дну расступившегося Красного моря.

ляли мы выйти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших спутников на камне уже несколько часов и скрывание другого из виду представляло нам опасность перехода более, может быть, нежели она была в самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близ противоположного берега, в расстоянии от нас каком то было, точно определить не могу, два пятна черные на воде, которые, казалось, двигались. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось; наконец, приближался, представило ясно взорам нашим два малые судна, прямо идущие к тому месту, где мы находились среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящего. Как в темной храмине, свету совсем неприступной, вдруг отверзается дверь, и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, распростирался по всей храмине до дальнейших ее пределов, – тако, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души. Отчаяние превратилось в восторг, горесть в восклицание, и опасно было, чтобы радостные телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы будем исторгнуты из опасности. Но надежда жития, возвращался в сердца, возбудила паки мысли о различии состояний, в опасности уснувшие. Сие послужило на сей раз к общей пользе. Я укротил излишнее радование, во вред обратиться могущее.

По несколькоком времени увидели мы две большие рыбацьи лодки, к нам приближающиеся, и, при настижении их до нас,

увидели в одной из них нашего спасителя, который, прошед каменную грядою до берега, сыскал сии лодки для нашего извлечения из явной гибели. Мы, не мешкав нимало, вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, который на оном около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше, стоявшее между камней, облегченное от тяжести, всплыло и развали лося совсем. Плывучи к берегу среди радости и восторга спасения, Павел – так звали спасшего нас спутника – рассказал нам следующее:

«Я, оставя вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезвычайные; но сажень за сто до берега силы мои стали ослабевать, и я начал отчаяваться в вашем спасении и моей жизни. Но, полежав с полчаса на камени, вспрынув с новою бодростию и не отдыхая более, дополз, так сказать, до берега. Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут десять, встал и побегал вдоль берега к С... что имел мочи. И хотя с немалым истощением сил, но, вспоминая о вас, добежал до места. Казалось, что небо хотело испытать вашу твердость и мое терпение, ибо я не нашел ни вдоль берега, ни в самом С... никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что нигде не можно мне лучше искать помощи, как у тамошнего начальника. Я побегал в тот дом, где он жил. Уже был седьмой час. В передней комнате нашел я тамошней команды сержанта. Рассказав ему коротко, зачем я пришел

и ваше положение, просил его, чтобы он разбудил Г..., который тогда еще почивал. Г. сержант мне сказал: «Друг мой, я не смею». – «Как, ты не смеешь? Когда двадцать человек тонут, ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты, бездельник, лжешь, я сам пойду...»

Г. сержант, взяв меня за плечо не очень учтиво, вытолкнул за дверь. С досады чуть я не лопнул. Но помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника с его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятого дома, из которого меня вытолкнули. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, в которых, ездя по заливу, собирали булыжник на продажу для мостовых, я и не ошибся в моей надежде. Нашел сии две небольшие лодки, и радость теперь моя несказанна; вы все спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами в воду».

Говоря сие, Павел обливался слезами. Между тем достигли мы берега. Вышед из судна, я пал на колени, возвел руки на небо.

– Отче Всесильный, – возопил я, – Тебе угодно, да живем; Ты нас водил на испытание, да будет воля твоя. – Се слабое, мой друг, изображение того, что я чувствовал. Ужас последнего часа прободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность. Теперь чувствую; час бьет; я мертв; движение, жизнь, чувство, мысль – все исчезнет мгновенно. Вооб-

рази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли корчащий мраз, лиющийся в твоих жилах и завременно жизнь пресекающий. О мой друг! – Но я удалился от моего повествования.

Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я сам себе, чтоб в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершалось такое бесчеловечие! Я вспомнил о заключенных агличанах в темнице бенгальского субаба³⁷²⁶⁶²⁶⁷.

---

³⁷ Агличане приняли в свое покровительство ушедшего к ним в Калкуту чиновника бенгальского, подвергнувшего себя казни своим злодеянием. Справедливо раздраженный субаб²⁶⁶, собрав войско, приступил к городу и оный взял. Аглинских военнопленных велел ввергнуть в тесную темницу, в коей они в полсутки издохли. Остался от них только двадцать три человека. Несчастные сии сулили страже великие деньги, да возвестить владельцу о их положении. Вопль их и стенание возвещало о том народу, о них соболезнующему; но никто не хотел возвестить о том властителю. Почивает он – ответствовано умирающим агличанам; и ни один человек в Бенгале не мнил, что для спасения жизни ста пятидесяти несчастных должно отъяти сон мучителя на мгновение. Но что ж такое мучитель? Или паче, что ж такое народ, обихший к игу мучительства? Благоговение ль или боязнь тягчит его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснее богов, к коим человек воссылает или молитву, или жалобу во время ноши или в часы денные. Если благоговение, то возможно человека возбудить на почитание соделателей его бедствий; чудо, возможное единому суеверию. Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба или подлости не смеющего его разбудить? – Реналь. История о Индиях, том II²⁶⁷. (*Примеч. автора.*)

²⁶⁶ Субаб – правитель провинции в Индии.

²⁶⁷ «История обеих Индий» Гийома Реналья (1713–1796), французского историка, близкого энциклопедистам, была сожжена в 1781 году за ее антиправительственный характер.

Воздохнул я во глубине души. Между тем дошли мы до С... Я думал, что начальник, проснувшись, накажет своего сержанта и претерпевшим на воде даст хотя успокоение. С сею надеждою пошел я прямо к нему в дом. Но поступком его подчиненного столь был раздражен, что я не мог умерить своих слов. Увидев его, сказал: «Государь мой! Известили ли вас, что за несколько часов пред сим двадцать человек находились в опасности потерять живот свой на воде и требовали вашей помощи?» Он мне отвечал с наивеличайшею холодною, куря табак: «Мне о том сказали недавно, а тогда я спал». Тут я задрожал в ярости человечества: «Ты бы велел себя будить молотком по голове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи». Отгадай, мой друг, какой его был ответ. Я думал, что мне сделается удар от того, что я слышал. Он мне сказал: «Не моя то должность». Я вышел из терпения: «Должность ли твоя людей убивать, скаредный человек; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь над другими!..» Окончить не мог моя речи, плюнул почти ему в рожу и вышел вон. Я волосы драл с досады. Сто делал расположений, как отмстить сему зверскому начальнику не за себя, но за человечество. Но, опомнясь, убедился воспоминанием многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я же могу прослыть или бешеным, или злым человеком; смирился.

Между тем люди мои сходили к священнику, который нас принял с великою радостью, согрел нас, накормил, дал от-

дохновение. Мы пробыли у него целые сутки, пользуясь его гостеприимством и угощением. На другой день, нашед большую шлюпку, доехали мы до Ораниенбаума благополучно. В Петербурге я о сем рассказывал тому и другому. Все сочувствовали мою опасность, все хулили жестокосердие начальника, никто не захотел ему о сем напомнить. Если бы мы потонули, то бы он был нашим убийцею. «Но в должности ему не предписано вас спасать», – сказал некто. Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие – грызть друг друга; отрада их – томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе.

– Нет, мой друг, – говорил мой повествователь, вскочив со стула, – заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно. Прости, – сел в кибитку и поскакал.

A stylized, handwritten signature or flourish consisting of several loops and curves, resembling a cursive letter or a decorative mark.

Спасская Полесть

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неурюстройства в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. Но он мне сказал наотрез:

– Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями. – И, с видом негодования простясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку; как вдруг дождь пошел. «Беда невелика, – размышлял я, – закроюсь циновкою и буду сух». Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лил ведром. С погодою не сладишь; по пословице: тише едешь, дале будешь – вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была не пуховая, долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шепот. Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали.

– Ну, муж, расскажи-тка, – говорил женский голос.

– Слушай, жена. Жил-был...

– И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить? – сказала жена вполголоса, зевая ото сна. – Поверю ли я, что были Полкан, Нова или Соловей-разбойник.

– Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскал-

ся по чужим землям, выучился есть устерсы³⁸ и был до них великий охотник. Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устеров на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы есть будет.

В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями. Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенные денежки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах³⁹ явился пред его высокопревосходительство.

«Поспешай, мой друг, – вещает ему униженный орденами, – поспешай, возьми сей пакет, отдай его в Большой Морской».

«Кому прикажете?»

«Прочти адрес».

«Его... его...»

---

³⁸ Устерсы – устрицы. Вся нижеследующая история весьма напоминает причуды вельможи Г. А. Потемкина, фаворита Екатерины II.

³⁹ Чикчеры – обтягивающие гусарские брюки.

«Не так читаешь».

«Государю моему гос...»

«Врешь... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С.-Петербурге, в Большой Морской».

«Знаю, ваше высокопревосходительство».

«Ступай же, мой друг, и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; я тебе скажу спасибо не одно».

И ну-ну-ну, ну-ну-ну; по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо на двор.

«Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какую дрянью. Только барин добрый. Рад ему служить. Вот устерсы, теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся».

Бочку взвалили в кибитку; поворота оглобли, курьер уже опять скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка⁴⁰ сивухи.

Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульный офицер бежит уже к наместнику (то ли дело, как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шась курьер в двери.

«Привез, ваше высокопревосходительство».

---

⁴⁰ Крючок – чарка.

«Очень кстати; (оборотясь к предстоящим) право, человек достойный, исправен и не пьяница. Сколько уже лет по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомянуть не могу. Секретарь, пиши представление. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшее оных исправление удостоиваю его к повышению чином».

В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в С.-П. с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет. – По представлению господина генерала и проч. *приказали*: быть сержанту Н. Н. прапорщиком.

– Вот, жена, – говорил мужской голос, – как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам ведено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату⁴¹. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица.

– И... полно, Клементьич, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? за то, что ты промен⁴²берешь со всех, а с ним не делишься.

---

⁴¹ Отсылать в уголовную палату – отдавать под суд за уголовное преступление.

⁴² Промен – плата, взимавшаяся при обмене одних денег на другие, например – ассигнаций на серебро.

– Потише, Кузминична, потише; неравно кто подслушает. – Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал присяжный с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанный в большую япанчу⁴³, и шляпа с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его лицо. Он требовал лошадей без подорожной; и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением:

– Запрягай поскорей, я дам по четыре копейки на версту.

Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли.

Я находился от него не далее как в пяти саженьях. Он, подошед ко мне и не снимая шляпы, сказал:

– Милостивый государь, снабдите чем ни есть человека несчастного.

Меня сие удивило чрезмерно, и я не мог вытерпеть, чтоб ему не сказать, что я удивляюсь просьбе его о вспоможении, когда он не хотел торговаться о прогонах и давал против других вдвое.

– Я вижу, – сказал он мне, – что в жизнь вашу поперечного вам ничего не встречалось.

---

⁴³ Япанча (епанча) – широкий долгополый плащ.

Столь твердый ответ мне очень понравился, и я, не медля нимало, вынул из кошелька...

– Не осудите, – сказал, – более теперь вам служить не могу, но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь больше. – Намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным; я и не ошибся.

– Я вижу, – сказал он мне, – что вы имеете еще чувствительность, что обращение света и снискание собственной пользы не затворили вход ее в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей повозке, а служителю вашему прикажите сесть на моей.

Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его желание – и мы едем.

– Ах, государь мой, не могу себе представить, что я несчастлив. Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим, или так казалось; ибо дом мой всякий день был полон людьми, заслужившими уже знаки почестей; стол мой был всегда как великолепное некое торжество. Но если тщеславие толикое имело удовлетворение, равно и душа наслаждалась истинным блаженством. По многих сперва бесплодных стараниях, предприятиях и неудачах наконец получил я в жену ту, которую желал. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разре-

шения. Все сие блаженство, определила судьба, да рушится одним мгновением.

У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздный свой голод на мой счет. Один из бывших тут, который внутренне меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя вполголоса, но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было:

«Неужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено».

– Вам покажется мудрено, – говорил спутник мой, обращая ко мне свое слово, – чтобы человек неслужащий и в положении, мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да и тогда, когда мое дело, прошед нижние суды, достигло до высшего. Вот в чем оно состояло: я был в купечестве записан; пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу⁴⁴. Неосновательность моя причиною была, что я доверил лживому человеку, который, лично попавшись в преступлении, был от откупу отрешен, и, по свидетельству будто его книг, сделался, по-видимому, на нем большой начет. Он скрылся, я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я, сделав выправки, сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы не было, или бы был очень малый, и для того просил, чтобы

---

⁴⁴ Частный откуп – право монопольного ведения торговли частным лицом по уплате денежного взноса.

сделали расчет со мною, ибо я по нем был порукою. Но вместо того чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого не было, но, по обыкновению, послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь – запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом и другие сделал приобретения. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая свою пользу, я нашел случай продать дом на выгодных кондициях⁴⁵, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление; ибо были люди, которых удовольствие помрачалось блаженством моего жития. Стряпчий казенных дел сделал на меня донос, что я, избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имении, тщетно я говорил, что по крайней мере надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку сей продажей, а потом предпринимать другие средства; что я звания своего не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие было отринуто, продажа дому уничтожена, ме-

---

⁴⁵ Кондиции – условия.

ня осудили за ложный мой поступок лишить чинов и требуют теперь, – говорил повествователь, – хозяина здешнего в суд, дабы посадить под стражу до окончания дела. – Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос. – Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: «Нет, мой друг, и я с тобою». Более выговорить не могла. Члены ее все ослабели, и она упала бесчувственна в мои объятия. Я, подняв ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончался.

Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода горячности нашей возвещающие. Но сколь ни жестоки они были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду с тобою. Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ее души не токмо с рождением младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сделали ей горячку.

Почто распространяться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ее страдание, можете поверить, что я ее не оставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение в горести позабыл совершенно. За день до кончины моей любезной незрелый плод нашея горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика.

– Вообрази, вообрази, – говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы, – вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя со мною расставалась навсегда.

– Навсегда! – вскричал он диким голосом. – Но зачем я бегу? Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни. О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный⁴⁶ ваш яд.

Извините мое исступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро вообразу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалась, то я все позабываю и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. В толи-ко жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне:

«Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отсель, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву или куда хочешь и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу».

Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв меня с помощью своих людей, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят рублей. Сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне вынести; но, нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать ко мне ска-

---

⁴⁶ Томный – приносящий муку, страдание.

зять, чтобы я ехал. Не помню, как меня везли первую станцию. С луга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице – куда глаза глядят.

Повесть спутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь? Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховный власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна. – Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего. – Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верующего письма⁴⁷. – Какое имею право? – Страждущее человечество. Человек, лишенный имения, чести, лишенный половины своая жизни, в самовольном изгнании, дабы избегнуть поносительного заочения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин? – Да и в том нет

---

⁴⁷ Вёрующее письмо – доверенность.

нужды. Он человек: вот мое право, вот верующее письмо. — О Богочеловек! Почто писал Ты закон Твой для варваров? Они, крестясь во имя Твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто Ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущей казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием Своим не загладят все злое, еже⁴⁸ сотворили. Таковые размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслию стремились, мне спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Несчетные картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле.

Место моего восседания было из чистого золота и хитро искладенными драгими разного цвета камнями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцом лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъясляющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коем изображались морские

---

⁴⁸ Еже — что, которое.

и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами⁴⁹ отягченных, изваянных из чистого золота и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы⁵⁰. В единой из чаш лежала книга с надписью *Закон милосердия*; в другой книга же с надписью *Закон совести*. Держава⁵¹, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудю младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах⁵² сильного исполина, воскраие⁵³ же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг всего седалища⁵⁴ при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество. С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилося бесчисленное множество народа, коего разные одежды,

---

⁴⁹ Класы – колосья.

⁵⁰ Весы – символ правосудия.

⁵¹ Держава – драгоценный шар с крестом наверху, эмблема власти монарха.

⁵² Раменá – плечи.

⁵³ Воскра́ие – край.

⁵⁴ Седáлище – трон.

черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалось, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающегося скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачный покров свой по чертам веселия, улыбка улетала со уст нежности и блеск радования с ланит⁵⁵ удовольствия. Искаженные взгляды и озирание являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящие беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самая кончины мучительнее. Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стяну лися ко ушам моим и, растягивая губы, про-

---

⁵⁵ Ланиты – щеки.

извели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара⁵⁶, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательный свой покров, улетает на крылах мгновности, не оставляя по себе ниже⁵⁷ знака своего присутствования, – тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать:

– Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки. – Подобно тихому полуденному ветру, помавающему⁵⁸ листьям дерев и любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил:

– Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе.

---

⁵⁶ Светозарный шар – солнце.

⁵⁷ Ниже – даже.

⁵⁸ Помавающий – колеблющий.

Другой восклицал:

– Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и искусства, поощряет земледелие и рукоделие.

Женщины с нежностью вещали:

– Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельныя кончины.

Иной с важным видом возглашал:

– Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание.

Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло:

– Он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан⁵⁹ моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалася над обыкновенным зрения кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалась степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилось с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я итти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отде-

---

⁵⁹ Тимпан – древний музыкальный инструмент типа литавр.

ленной.

– Государь, – отвечал он мне, – слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращуся, приносяй дань царей сильных.

Учредителю плавания я рек:

– Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе.

– Исполню, государь. – И полетел на исполнение, яко ветер, определенный надувать ветрила корабельные.

– Возвести до дальнейших пределов моя область, – рек я хранителю законов, – се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзнутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истинного пути.

– Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругам их.

– Да воздвигнутся, – рек я первому зодчию, – великолепнейшие здания для убежища мусс⁶⁰, да украсятся подражаниями природы разнovidными; и да будут они ненарушимы, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются.

---

⁶⁰ Муссы – музы, девять богинь греческой мифологии, покровительницы искусств.

– О премудрый, – отвечал он мне, – егда⁶¹ велениям твоего гласа стихии повиновались и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, превосходящие великолепием славнейшие в древности; колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют.

– Да отвержется ныне, – рек я, – рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику.

– О всещедрый владыко, Всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля.

При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облегшаяся твердо о столп, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Голова ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами.

– Кто сия? – вопрошал я близ стоящего меня.

– Сия есть странница, нам неизвестная, именует себя Прямовзорой и глазным врачом. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем священный твоя главы.

---

⁶¹ Егда – когда.

– Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении тяжкого бремени правления, примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяние.

Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих: отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам моим шли во сретение⁶², имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово:

– Пойдем, столпы моя держава, опоры моя власти, пойдем усладиться по труде. Достойно бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достойно царю вкусити веселия, он же изливает многочисленные всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, – рек я к учредителю веселий. – Мы тебе последуем.

– Постой, – вещала мне странница от своего места, – постой и подойди ко мне. Я – врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очищу зрение твое. Какие бельма! – сказала она с восклицанием.

Некая невидимая сила нудила меня итти пред нее, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

– На обоих глазах бельма, – сказала странница, – а ты столь решительно судил о всем. – Потом коснулася обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну роговому

---

⁶² Во сретение – навстречу.

раствору. — Ты видишь, — сказала она мне, — что ты был слеп, и слеп всесовершенно. Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену⁶³ темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзей. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне в твои чертоги воспрещающие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда слова ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои

---

⁶³ Отжéну — отгоню.

паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досягать будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лествицу отверстую душу. Осызанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осызательности. Вострепещи теперь за такое состояние. Туча вознесется над главою твоею, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, проживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда, осажденная кознями ласкательства, душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народных возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, да возвратившись возможет он паче и паче глаголати нельстиво. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдительность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую

тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледельца лишатся жизни у тощего без здравья пищи сосца материя. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таком, то отыду от тебя, и чертог твой загладится навсегда в памяти моей.

Изрекшия странницы лицо казалось веселым и вещественным сияющее блеском. Воззрение на нее вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касались. Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлись того скареее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть.

Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии⁶⁴. В войсках подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужных и безвременной строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника; и на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он издали не видал неприятеля. От таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения моих велений на крылех ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сла-

---

⁶⁴ Намек на жизнь Потемкина в ставке во время русско-турецкой войны (1787–1791).

дострастия. На изготованном велением его чертеже совершенного в мечтании плаванья уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы израждалися из кисти новых сих путешественников. Уже при блеске ночных светильников начерталось величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже золотые деки⁶⁵ уготовлялися на одежду столь важного сочинения. О Кук! Почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? Почто скончал ее плачевным образом?⁶⁶ Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав путешествие и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве), толико же бы прославился; ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращался не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оною толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того чтобы в народе моем

---

⁶⁵ Дски – доски.

⁶⁶ Кук Джеймс (1728–1779) – знаменитый английский мореплаватель; был убит туземцами на Сандвичевых островах.

через отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжой и пагубным комедиантом.

– Удержи свое милосердие, – вещали тысячи гласов, – не возвещай нам его великолепным словом, если не хочешь его исполнить. Не соплощай⁶⁷ с обидою насмешку, с тяжестию ее ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон, мы бдеть не желали, ибо не над чем.

В созидании городов видел я одно расточение государственных казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Виды оных принадлежали веку готфов и вандалов⁶⁸. В жилище, для мусс уготованном, не зрел я лиующихся благотворно струев Касталии и Ипокрены⁶⁹, едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте оногo помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои.

Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот.

---

⁶⁷ Соплощать – отождествлять, приравнивать.

⁶⁸ Готфы (готы) и вандалы – восточногерманские племена, разграбившие в V веке Рим.

⁶⁹ Касталия и Ипокрена – родники поэтического вдохновения; в греческой мифологии – источники у подножия Парнаса и Геликона.

Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одяние нагого, на прокормление алчущего, или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жену, кичащуюся своим бесстыдством. Едва-едва досязали слабые источники моя щедроты застенчивого достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня толь бедственные представления безрассудной моей щедроты.

Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставались в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством⁷⁰ и подлостью духа, на снискание почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим одобрением, во уверении, что почести мирские суть пепл и дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую,

---

⁷⁰ Ласкательство – угодничество, подхалимство, лесть.

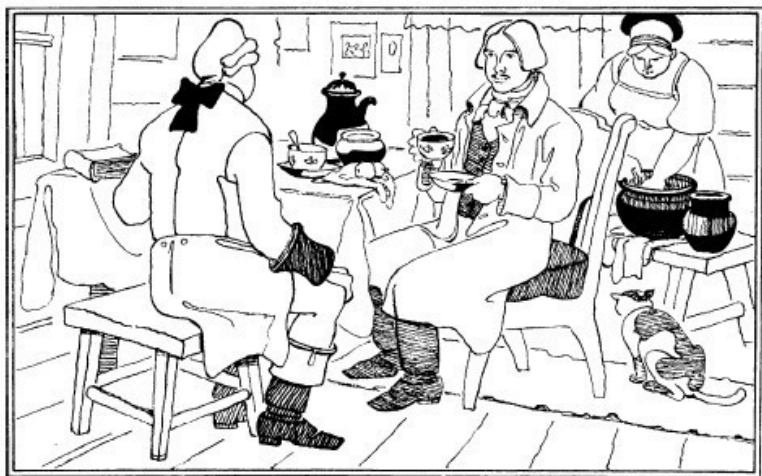
видя, что нежность моя обращалась на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, – возревел я яростию гнева.

– Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность Господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. Прииди, – вещал я старцу, коего созерцал в крае обширных моя области, кроющегося под заросшею мхом хижиною, – прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму.

Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоился служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей!

Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

Подберезье

Насилу очнуться я мог от богатырского сна, в котором я столько сгресил. Голова моя была свинцовой тяжелее, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем. Не в состоянии я был продолжать пути и трястися на деревянных дрогах (пружин у кибитки моей не было). Я вынул домашний лечебник; искал, нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреда во сне и наяву. Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по половице: «на всякого мудреца довольно простоты» – против бреда я себя не предостерег, и оттого голова моя, приехав на

почтовый стан, была хуже болвана.

Вспомнил я, что некогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогает он от головной боли. Как чашек пять выпью, говаривала она, так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни.

Я взялся за нянюшкино лекарство, но, не привыкнув пить вдруг по пяти чашек, попотчевал излишне для меня сваренным молодым человеком, который сидел на одной со мной лавке, но в другом углу, у окна.

– Благодарю усердно, – сказал он, взяв чашку с кофеем.

Приветливый вид, взгляд неробкий, вежливая осанка, казалось, некстати были к длинному полукафтанию и к примазанным квасом волосам. Извини меня, читатель, в моем заключении, я родился и вырос в столице, и если кто не кудряв и не напудрен, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волос не пудришь, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово, я с новым моим знакомцем поладил. Узнал, что он был новгородской семинарии и шел пешком в Петербург повидаться с дядею, который был секретарем в губернском штате. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки.

– Сколь великий недостаток еще у нас в пособиях просвещения, – говорил он мне. – Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. Виргилия,

Горация, Тита Ливия, даже Тацита⁷¹ почти знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай, по счастью моему, узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их донесь делает приятными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику⁷², богословию, но, по словам Кутейкина в «Недоросле», дойдем до конца философского учения и возвратимся вспять⁷³. Чему дивиться: Аристотель и схоластика доньше царствуют в семинариях. Я, по счастью моему, знаком стал в доме одного из губернских членов в Новгороде, имел случай приобрести в оном малое знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвещении времен, когда один латинский язык был в училищах употребителен, с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинский язык токмо отверстые, но преподаются на языке народном!

– Но для чего, – прервав, он свою речь продолжал, – для чего не заведут у нас вышних училищ, в которых бы пре-

---

⁷¹ Виргíлий (Вергилий), Горáций – римские поэты I века до нашей эры. Тит Лівий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.), Та́цит (55—120 гг. н. э.) – римские историки.

⁷² Ифика – этика.

⁷³ Семинарист Кутейкин – учитель Митрофанушки – говорит в «Недоросле» Д. И. Фонвизина: «Ходил до риторики, да, Богу изволившу, назад воротился».

подавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция или законоучение.

– Боже мой! – продолжал он с восклицанием, – если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций, Монтескью, Блекстон!⁷⁴

– Ты читал Блекстона?

– Читал первые две части, на российский язык переведенные. Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцев, заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. Как не потужить, – повторил он, – что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

Вошедший почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть повеление о учреждении новых университетов, где науки будут преподаваться по его желанию⁷⁵.

---

⁷⁴ Гроций Гуго де Гроот (1583–1645) – знаменитый голландский юрист, социолог. Монтескью (Монтескье) Шарль Луи (1689–1755) – выдающийся французский просветитель. Блэкстон (Блэкстон) Уильям (1723–1780) – известный английский юрист. Радищев далее имеет в виду его четырехтомный труд «Комментарии к английским законам».

⁷⁵ Широковещательный план открытия университетов в Пскове, Чернигове и

– Пора, государь мой, пора...

Между тем как я платил почталиону прогонные деньги, семинарист вышел вон. Выходя, выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее и не отдал ему. Не обличи меня, любезный читатель, в моем воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тот один вор, кто крал, но и тот, что принимал, – так писано в законе русском. Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо. – Читай, что мой семинарист говорит:

«Кто мир нравственный уподобил колесу, тот, сказав великую истину, не иное что, может быть, сделал, как взглянул на круглый образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел. Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных и коловращающихся...»

На мартиниста похоже, на ученика Шведенборга...⁷⁶Нет,

Пензе (1787) к 1790 году был похоронен. Напоминая о нем, Радишев подчеркивает рекламно-демагогический характер просветительских программ Екатерины II.

⁷⁶ Мартинист – последователь философского учения мистика Сен-Мартена

мой друг! я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному, я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цыфири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет: невежество, рабство, инквизиция и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих⁷⁷ неутолимый его был враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое, рождается, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места

(1743–1803). Шведенборг (Сведенборг) Эммануил (1688–1772) – шведский писатель-мистик, «духовидец», сочинения которого были популярны в кругах мартинистов.

⁷⁷ Фридрих II (1712–1786) – прусский король, афишировавший «просвещенный абсолютизм» и проводивший реакционнойшую политику.

пробывания их не видно; даже имена их погибли. Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в исступлении шло стезею, народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и Папа стал всемогущий из царей. Лутер⁷⁸ начал преобразование, воздвиг раскол, изъясился из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, поправа огромный оплот предрассуждений, но не долго пребывала в сей стезе. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл; когда задачей любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ.

---

⁷⁸ Лутер (Лютер) Мартин (1483–1546) – реформатор Церкви, основатель так называемого лютеранства, направленного против догматов католичества и злоупотреблений римских пап.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.